

Евгений ДЕМЕНОК

## Управдомом из Тель-Авива

Я помню этот вечер во всех мельчайших деталях. Так, будто это было вчера, хотя с тех пор прошло без малого восемь лет.

Мне повезло дважды. Первый раз — когда я познакомился с ним. Второй — когда я услышал эту историю. Ту самую, о которой пишу сейчас.

Он — это Александр Иосифович, легендарный одесский историк и краевед. Его в нашем городе знают все.

Не знаю, почему он выбрал именно меня. Но раз уж так случилось, то написать о том, что я услышал, — моя прямая обязанность.

Тем тихим летним вечером мы сидели на балконе его квартиры на Успенской и любовались одесским закатом, воспетым одесскими литераторами и неоднократно запечатлённым лучшими художниками Южнорусской школы. Выпито было уже немало, мир казался прекрасным, и вся обстановка, казалось, способствовала задушевному разговору.

— А знаешь что, Женя?! — сказал он мне. — Много лет меня интересовала история создания "Двенадцати стульев" и "Золотого телёнка". Так же, как и все, я искал прототипов Бендера. И, как и все, уже склонен был остановиться на Осипе Шоре, но совершенно случайно ко мне в руки попало настоящее сокровище — бумаги из архива Евгения Петрова. Только не спрашивай, как именно они ко мне попали. Собственно, они есть не только у меня, а ещё у нескольких людей в нашем городе. Но ко мне — волей случая — попало именно то, что я так долго искал. Письма Петрову из Палестины, подписанные Иосифом Бендером. Чем больше я читал их, тем больше радовался — и ужасался одновременно. Равовался потому, что мне, возможно, открылась истина, а ужасался потому, что истина эта абсолютно опровергала все предыдущие исследования творчества наших великих земляков. Сначала я думал, что это ошибка. Потом склонялся к версии о розыгрыше — у Евгения Петровича было немало друзей с чувством юмора. Но, в конце концов, с немалым волнением пришёл к выводу о том, что письма являются подлинными. Множество мелких деталей свидетельствуют об этом. Собственно, что я говорю? Почитай сам.

Александр Иосифович подошёл к секретеру, достал несколько листов и протянул мне первое письмо:

"Дорогой Женя.

Дела мои идут неплохо. Да что там неплохо — отлично! Сбылась, наконец, моя мечта о Святой Земле. Тут много наших, и я чувствую себя, почти как дома, разве что климат ежедневно напоминает об обратном. Наших — это и одесских, и вообще русскоязычных. Помнишь Александра? Мы часто встречаемся с ним. Тут он, конечно, Зускин. "Шелег Леванон" и "Кесит" — это названия кафе, где мы собираемся, чтобы почитать друг другу стихи и прозу. Теслер, Альтерман, Элираз, Горовиц, Шапир — эти имена ничего не скажут тебе, но для Тель-Авива они то же самое, что Олеша, Багрицкий, Валя для Одессы. Мне хорошо тут. Здесь все пишут на иврите. Пишу и я — потихоньку, но всё более уверенно. Эзра переводит на иврит Багрицкого. Я уговариваю его писать воспоминания о "Коллективе поэтов" и его жизни с Олешей и Валей в Харькове, пока память не стёрла детали. Я показал Эзру рукопись "Двенадцати стульев". Он в восторге. Сказал, что если бы роман опубликовали тут, я стал бы звездой. Кстати, Эзра руководит литературным приложением к газете "Давар", так что мы можем публиковать тут отрывки из "Стульев" и из вашего нового романа. Он берётся за перевод.

Я много общаюсь с Хаимом Гликсбергом. Ты, наверное, уже не помнишь его. Он сын знаменитого Шимона Гликсберга, главного раввина Одессы. Хаим очень смешной — уезжая из Одессы, зачем-то сказал своему преподавателю в художественной школе Павлу Волокидину о том, что уезжает в Бразилию. Мол, в Рио-де-Жанейро совсем другой свет и цвет. Он просто помешан на белом цвете сейчас. Ему повезло — чего-чего, а белого цвета у нас в Эрец-Исраэль предостаточно. Но ему этого мало — он ходит теперь исключительно в белом — штаны, пиджак, рубашка. И что ты думаешь? Имеет колоссальный успех у девушек. Я даже думаю, не последовать ли и мне его примеру.

Магидович затеял сейчас большое строительство. Заказов хоть отбавляй. Скоро ему понадобятся помощники — дома нужно подключать к воде, электрифицировать. Управлять, в общем. Думаю пойти — нужны деньги. Литературные труды и живопись не дают средств для сколько-нибудь пристойной жизни. Увы, искусство — лишь тонкий слой масла на черстом хлебе борьбы за существование. Забавно представлять себя в роли управдома...

Засим кланяюсь и надеюсь на скорый ответ, Илюше огромный солнечный привет, Ваш Иосиф Бендер. 22/IV/1929".

Я прочитал письмо ещё раз и спросил по-прежнему: — Неужели это правда? Бендер списан с реального персонажа? Да ещё и читал рукопись о своих приключениях "онлайн"? — Читал и комментировал. О своих ли приключениях — это вопрос. Ты поймёшь это из следующих писем. Как ты помнишь, изначально фабулу романа подсказал брату и Илье Ильфу Валентин Катаев. Образ Бендера был поначалу не то что второстепенным — вообще проходным. Для него была заготовлена лишь фраза о "ключках от квартиры, где деньги лежат", а основная интрига должна была разворачиваться вокруг Воробьянинова и стула с сокровищами. Но... Катаев уехал в Батуми, а молодые авторы увлеклись Остапом, да так, что он затмил всех остальных действующих лиц романа. Судя по всему, наш тель-авивский управдом был своим в литературной и художественной среде Одессы и действительно послужил во многом прототипом главного героя. Но его похождения и авантюры — прекрасный художественный вымысел. Вот, посуди сам.

И Александр Иосифович протянул мне следующее письмо:

"Дорогой Женя.

Спасибо за присланную рукопись. Я читал и очень смеялся. Особенно забавен эпизод с переходом румынской границы. К счастью, всё было с точностью до наоборот. И вообще румыны — приятные люди, причём не только своей неприкрытой корыстью. Казалось бы — два берега реки, а на самом деле — два разных мира. Наконец сбылась моя мечта. Я побывал на родине родителей. Увидел могилы дедушек и бабушек. Побывал в синагоге, о которой столько рассказывал отец. Представь себе — в Бендерах больше тридцати синагог! Больше, чем церквей! И вообще каждый третий — еврей. В Бессарабию приезжают все — Вейцман, Нахум Соколов... Мы собирали там деньги для Эрец-Исраэль. Сейчас на них строят новые гаваны в Хайфе и Яффо. Жаль, я так и не увидел Жаботинского. Он приезжал в Бессарабию несколько лет назад.

"Дорогой Женя, добрый день!

У нас сейчас настоящая зима в субтропиках — ливни. У вас в Москве, наверное, совсем холодно и всё замело снегом. Как там наши? Как Валентин и Валя? С Шором вы здорово придумали. А главное — вполне правдоподобно. Не может быть прототипом главного героя советского романа сионист и эмигрант. Кстати, Зускин спрашивал об Осипе Шоре — правда ли, что он живёт сейчас в Москве в одной комнате с Олешей, как он когда-то в Харькове? Тебе не опасно со мной переписываться? До нас доходят обрывки сведений о стране Советов. Судя по тому, что у вас с Илюшей всё в порядке, русский антисемитизм пока не возродился в полную силу. Это радует. У вашего шедевра появился ещё один читатель. Точнее, читательница. А ещё точнее — слушательница. Из нашего круга вы будете

первыми, кто об этом узнает. Её зовут Рут.

Она из Польши, приехала сюда четыре года назад. По-русски почти не говорит, общаемся на идиш, но всё больше и больше переходим на иврит. На иврите я и читаю ей, страницу за страницей, ваши рукописи. Начал со "Стульев". Конечно, она далека от Москвы, от российских масштабов и не может по достоинству оценить то, какой фурор может вызвать ваш с Илюшей новый роман. Но — ты знаешь, возможно, это даже к лучшему. Для меня это отличная практика — переводить ваши книги на иврит. Труднее всего, конечно, переводить ваши блестящие шутки. Пока справляюсь. Рут смеётся. Она встревожилась лишь однажды — когда Воробьянинов с бритвой подкрадывался к моему горлу. Помните нашу шутку: "Если ты умер — делай вид, что ничего не произошло"? Я сразу показал ей рукопись второй книги с моими приключениями — и она успокоилась.

Часто вспоминаю Олю. Видел ли кто-то её? Что с ней?

Засим остаюсь верно любящим вас.

Привет Илюше, Вале и Вале. Ваш Остап. Шучу. 16/I/1930".

Видимо, на моём лице было такое удивление, что Александр Иосифович рассмеялся.

— Тебе тоже понравилась история с Шором? Поверь мне, прочитав первый раз письмо, я выглядел точно так же. Все устоявшие теории рассыпались на глазах. Да что там — сам Шор неоднократно рассказывал мне о том, как именно с него писали Остапа!

Но всему есть объяснение. В конце двадцатых советская власть действительно стала зажимать гайки. В стране запретили выход газет и журналов на иврите, а все маститые литераторы, пишущие на нём, покинули Россию в начале 20-х — вспомни судьбу Бялика. Борьба с иудаизмом была возведена в ранг государственной политики. От евреев требовали полной ассимиляции, ни о каких сионистских идеях не могло быть и речи. Хе-Халуц был разгромлен, его руководители арестованы, сионистские организации ликвидированы. О легальном выезде в Палестину можно было забыть. Так что нашему герою повезло — в конце тридцатых он мог легко угодить в тюрьму.

Ты уже понял причину, по которой он не уехал из страны раньше. Он упоминает её имя в письме. История, вечная, как мир. Кстати, в архиве Ильфа и Петрова сохранились два варианта финала "Золотого телёнка", и в первом Бендер остаётся в Союзе и женится на любимой девушке. Интересно, правда?

— Александр Иосифович, это же сенсация! — взволнованно сказал я. — Эти письма просто бесценны, и вы можете стать первооткрывателем! Вы уже публиковали их? О них должны узнать все!

Александр Иосифович улыбнулся: — Моим первым порывом было как раз это — немедленно рассказать всем о письмах, опубликовать их и, наверное, прославиться. Но потом точность исследователя взяла верх. Возможно, зря... Дело в том, что письма попали ко мне без конвертов. Что это означало? Это означало то, что у меня не будет никаких аргументов против вездливых критиков, которые будут опровергать мою теорию. Ведь я и сам думал сначала, что эти письма — или подделка, или чей-то розыгрыш. Самым правильным было бы найти потомков Иосифа Бендера в Израиле. К счастью, сейчас нас уже не разделяют прежние барьеры. Вот это было бы настоящей сенсацией. Ведь у них могли сохраниться не только письма Евгения Петрова, но и машинописные экземпляры рукописей и "Двенадцати стульев", и "Золотого телёнка". А это бесценная находка. Но, найдя в Интернете телефонный справочник всех израильских абонентов, я был поражён количеством людей с фамилией Бендер. Их очень много. Кроме того, я не знаю иврит.

— Но есть же английский! Может быть, записаться за телефоном и номер за номером обзвонить всех? И так найти потомков того самого, нашего Остапа Бендера?

— Может быть, может быть... Вот и займись этим. Ты молодой, у тебя впереди ещё много времени. А когда станешь автором сенсации, упомяни и меня — вкратце, вскользь.



Тель-Авив, 1929 г. Фото Шимона Корбмана.